ГИБЕЛЬ АНГЛіЙСКАГО КОРАБЛЯ ЦЕНТАВРЪ.

Послѣ сраженія англійскаго флота съ французскимъ, у Западной–Индіи (средины Америки) 1782 года, гдѣ французы были разбиты и потеряли большую часть флота, англичане пустились въ обратный путь, забравъ съ собою плѣнные и призовые корабли и суда, а также конвой купецкихъ судовъ, всего болѣе сотни вымпеловъ.

Но даже англійскіе корабли, послѣ продолжительнаго похода и выдержаннаго сраженія, были въ весьма ненадежномъ положеніи; а плѣнные корабли и подавно. Вычинивъ ихъ на скорую руку, смѣлый адмиралъ, однакоже, пустился съ этимъ огромнымъ флотомъ въ путь. Ихъ застигъ среди Западнаго Океана такой жестокій штормъ, который на бѣду длился съ недѣлю, что весь флотъ разбросало и каждое судно искало по себѣ спасенія; но половина ихъ потеряла мачты, а до десяти кораблей и фрегатовъ, англійскихъ и плѣнныхъ, не говоря о купецкихъ, по

ветхости ихъ, раскачало и раздергало въ открытомъ морѣ, такъ, что они пошли ко дну со всей командой.

Въ числѣ послѣднихъ былъ Центавръ. Онъ вышелъ уже изъ Ямайки съ порядочною течью, которая при свѣжемъ вѣтрѣ тотчасъ увеличивалась и двѣ помпы были постоянно въ ходу.

16–го Сентября началась буря. Спустивъ верхній рангоутъ на ростры, поставили штормовые паруса — но въ подводной части обстояло не благополучно: течь до того усилилась, что всѣ помпы были въ дѣлѣ, а она не унималась. Шквалъ, какого и старые моряки не видывали, набѣжалъ послѣ полуночи и, хотя всѣ паруса были убраны, повалилъ корабль вовсе на бокъ. Вода изъ трюма залила въ палубѣ всю подвѣтренную сторону, и все еще прибывала; порты подъ водой стали подаваться и она била въ щели ключемъ.

Увидавъ, что кораблю не встать, командиръ срубилъ двѣ заднія мачты; но гротъ–мачта, при страшной качкѣ, упала на фокъ–мачту и переломила ее, а фокъ–

мачта выломила и бушпритъ. Корабль тотчасъ всталъ, и съ такимъ порывомъ, что при качкѣ его съ боку на–бокъ, ни одинъ человѣкъ неустоялъ на ногахъ. Нѣсколько пушекъ оторвалось, ядра изъ кранцовъ катались по палубамъ и били людей.

Румпель переломило — закричали съ юту — и прежде чѣмъ успѣли вставить запасный, вышибло вовсе руль. Центавръ остался безъ мачтъ, безъ руля, съ осьмью футами воды въ трюмѣ среди шторма и страшнаго волненія. Изъ сотни судовъ въ виду было только до пятнадцати и всѣ сами терпѣли бѣдствіе; на отчаянную пальбу Центавра никто не отвѣчалъ.

Сбросили всѣ пушки, пытались привести къ вѣтру, выкинутымъ съ носу на кабельтовѣ верпомъ съ нѣсколькими пушечными станками, но безъ успѣха. Качали, уже болѣе сутокъ, во всѣ помпы, а вода не убывала. Вѣтеръ былъ порывистый, самый жестокій.

14–го стали ломаться и портиться помпы отъ прорвавшагося вмѣстѣ съ водою изъ кормоваго трюма каменнаго угля, истертаго

качкой въ порохъ. Бочки съ провизіей стало подымать водой и тотчасъ же разбивало въ дребезги. Всѣ обломки эти носились надъ нижнимъ лагомъ водяныхъ бочекъ, били и толкали, такъ, что нельзя было достать даже прѣсной воды.

Принялись отливать воду ведрами и 19–го, когда штормъ временно стихъ, общими силами до того убавили ее, что достали съ опасностію жизни, бочку прѣсной воды, которой не видали ни капли уже болѣе сутокъ.

Распредѣлили команду: часть назначена была для отливки, другая для очистки трюма отъ обломковъ, третья для выброшенія тяжестей и пушекъ, четвертая для установки фальшиваго вооруженія, а плотники ладили потесь, вмѣсто руля. Подвели парусъ подъ корабль, и другой еще — но течь почти не уменьшалась. 21–го буря снова заревѣла, помпы сдѣлались вовсе негодными. Прорубили во многихъ мѣстахъ нижнюю палубу, чтобы отливаться ведрами. Кубрикъ подмыло и подняло;

ахтеръ–штевень такъ разслабъ, что по обѣ стороны вода била ключемъ.

22–го не легче; подняло и колотило уже всѣ бочки нижняго лага и скоро всѣ перебило. Носъ сталъ погружаться, и нижніе порты были уже до половины подъ водой. Вся команда пришла въ отчаянье и готовилась къ неминучей смерти. Стали готовить плоты — но всѣ сами видѣли, что неначемъ поднять и третьей доли команды. Три оставшіяся шлюпки были приготовлены къ спуску. Хотя вообще команда во всемъ повиновалась, но выбившись изъ силъ, бросила отливаться и корабль сталъ видимо грузнуть.

Ничего не оставалось, какъ искать спасенія на плотахъ и шлюпкахъ, и притомъ поспѣшить управиться такъ, чтобы не попасть въ водоворотъ, которой долженъ былъ образоваться надъ пошедшимъ ко дну кораблемъ. Такъ какъ всего спаслась одна только шлюпка съ 12 человѣками, а всѣ прочіе погибли безъ вѣсти, то опишемъ это чудесное спасеніе.

На этой шлюпкѣ былъ командиръ судна, два офицера, и девять нижнихъ чиновъ. Ее пронесло тотчасъ за корму корабля и тутъ же чуть не залило: принявшись съ мѣста отливать ее, говоритъ капитанъ, мы тотчасъ пустились по вѣтру и понеслись — безъ паруса, безъ компаса, въ однихъ сюртукахъ и курткахъ, среди холода и страшнаго волненія. Черезъ полчаса мы уже потеряли изъ виду корабль.

Нашедши въ шлюпкѣ байковое одѣяло, мы подняли его на шестахъ и шли всю ночь по вѣтру, едва успѣвая отливать воду, между двухъ большихъ валовъ.

Ближайшая земля отъ насъ, въ этомъ направленіи, были острова Азорскіе, въ 800 миляхъ. При попутномъ вѣтрѣ, можно было дойти до нихъ — если не зальетъ и если попасть на нихъ безъ компаса — въ недѣлю; но при штормѣ намъ нельзя было итти иначе, какъ по вѣтру.

Мы нашли въ лодкѣ мѣшокъ сухарей, окорокъ, кусокъ свинины, двѣ бутылки воды, четыре бутылки водки. Мы положили раздавать по сухарю утромъ и по сухарю въ

обѣдъ, а къ тому не болѣе рюмочки воды, которую отмѣряли въ отбитое и заткнутое съ одного конца горлышко бутылки. Вѣтеръ зашелъ къ S, но стихъ, такъ что намъ можно было восемь дней сряду итти въ полвѣтра, почти на O.

Пошелъ дождь, — и мы ему обрадовались какъ благодати: голодъ и жажда насъ измучили. Мы подставили простыню, а подъ нее лейку, и собрали шесть бутылокъ воды.

Но мокрота и стужа насъ одолѣвали. Вѣтеръ отошелъ къ NW и мы пошли опять почти на фордевиндъ. Это былъ 15 день нашего плаванія и сухарей оставалось всего на одинъ день, да одна бутылка воды. Мы были изнурены до крайности и одинъ урядникъ скончался. Кажется ему много повредило, что онъ пилъ морскую воду. Ночью заштилѣло, а потомъ подулъ вѣтеръ, по нашему расчету WSW.

Раздавъ утромъ на 16–й день послѣдніе сухари, мы готовились послѣдовать за урядникомъ, какъ другой квартермистръ сталъ увѣрять, что видѣлъ берегъ на SO;

мы боялись вѣрить, потому что уже не разъ ошибались; но одинъ изъ матросовъ сталъ клясться и божиться, что видитъ берегъ. Направивъ туда путь свой, мы часа черезъ два убѣдились, что берегъ лежалъ передъ нами!

Близко видать — да далеко мигать! Только къ десяти часамъ вечера подошли мы наконецъ къ этому берегу! Но и тутъ бѣда: отъ прибою не могли мы найти пристанища и еще часа два шли вдоль острова Фаяла — это былъ Фаялъ, одинъ изъ острововъ Азорскихъ, и наконецъ встрѣтили рыбаковъ. Они, на лодкѣ своей, провели насъ на рейдъ, но и тутъ еще ожидало насъ жестокое искушеніе: намъ доставили хлѣба, воды, вина и плодовъ — но португальцы не выпустили насъ на берегъ до утра, заставивъ еще проночевать на шлюпкѣ, въ водѣ, покуда не осмотрѣлъ насъ утромъ карантинный надзиратель!

Богъ съ ними; теперь мы забыли кровную обиду эту, а тогда было горько. Утромъ насъ, кого свели подъ руки, а кого и снесли на рукахъ со шлюпки — ни кто не могъ

ходить. Недѣли черезъ двѣ, мы всѣ оправились и готовы были снова — хоть на край свѣта.

И крута гора — да забывчива; и кручинно горе, да сбывчиво!